

Пока действуешь, страх словно остаётся просто страхом.

Пока действуешь... Да, она уже действовала много раз.

Кристабель Померан наконец поняла, почему повелитель изолировал её страх — и почему требовал, чтобы в состоянии изоляции страха она работала и училась.

Потому что тогда она узнавала: что именно она сделает и какой выбор совершит при отсутствии страха.

Когда стеклянную бусину отняли, Кристабель решила, что всё кончено.

Она знала, насколько беспомощной станет без неё, как снова превратится в ту робкую и никчёмную себя из прошлого. Она прекрасно понимала, что плач и мольбы перед мужчиной бесполезны, но кроме плача и мольбы она ничего другого делать не умела.

Но на самом деле всё оказалось иначе.

Она уже не была той, прежней.

По-настоящему она смутно осознала это лишь тогда, когда Весполаро рассекла тьму и бросилась к ней.

Теперь у неё имелись друзья — друзья, которые действительно протянут руку помощи, когда она попадёт в беду.

Не сладкие речи, которым она когда-то поверила, пытаясь сбежать от семьи и школы, а настоящие друзья — прямо здесь, рядом, те, кто всё это время помогал ей.

Но даже Весполаро не могла сделать всего: например, спасти её от Радоцвета Сикадира или вытащить малышку Нефрит из рук того высокопоставленного культиста.

Не потому, что Весполаро слаба, а потому что для неё важна безопасность Кристабель и малышки Нефрит.

«Ничего страшного».

Когда Кристабель отвела взгляд от окровавленных пелёнок малышки Нефрит и встретила глазами с встревоженной Весполаро, она сказала ей взглядом: ничего страшного.

Изоляция страха нужна была для того, чтобы Кристабель поняла, какой выбор она сделает,

если не будет бояться.

И теперь, даже если страх вернётся в её сердце, дверь, прежде наглухо закрытая, уже являлась распахнутой. Эта дверь больше не закроется. Когда кто-то будет угрожать её жизни или жизни малышки Нефрит, она посмотрит на эту дверь и побежит к ней.

Что именно ей стоило сделать?

«Убить. Убить его».

Тело всё ещё помнило два предыдущих раза, когда она держала нож; оно помнило ощущение, когда острый предмет входит в человеческую плоть. Разум Кристабель был погружён в страх, но тело действовало само. В тот миг, когда холодная, зловонная речная вода накрыла её с головой, Кристабель вырвала кинжал из тыльной стороны ладони.

Чтобы использовать её как живой щит, Радоцвет находился совсем рядом с ней.

Так близко, что, чтобы вонзить кинжал ему в сердце, Кристабель даже не нужно было поворачиваться.

И лишь в этот момент Линь наконец глубоко выдохнул.

На его лице расцвела облегчённая улыбка, и он искренне похвалил Кристабель:

— Хорошо сделано.

Едва слова сорвались с губ, в сознании Линя внезапно раздался колокольный звон.

Из далёкой высоты заговорил голос:

— [Твой@#%&**[].....]

«Что?»

Линь слышал этот голос и раньше, но впервые совершенно не мог разобрать его смысл. Он знал, что лучше всего притвориться, будто ничего не слышит, и ни в коем случае не отвечать, но в этот миг юный бог невольно нахмурился, пытаясь вслушаться.

И он вслушался — и очень скоро голос стал отчётливым.

Скоро — потому что он больше не доносился с далёкой высоты, а вибрировал и отдавался внутри тела Линя.

— [□@корни#%□.....лист\$&**%!!!]

Он ревел внутри Линя, и в тот же миг Моисей Гуппи, который тоже только что выдохнул с облегчением, вдруг услышал резкий треск — хрясь, хрясь, хрясь, — звук бьющегося стекла.

Русал-священник в ужасе обернулся и увидел: стоящий рядом Линь внезапно пошёл трещинами, словно зеркало, в которое что-то ударило.

— ...Ваше высочество?!

Моисей широко раскрыл глаза и поспешно попытался накрыть трещины руками, но его ладони прошли сквозь тело Линя, словно сквозь мираж.

И Линь никак не отреагировал ни на появившиеся трещины, ни на действия Моисея. Он застыл, рассыпаясь, будто стеклянная кукла.

Потому что его сознание уже было утянуто тем голосом в другой мир.

В мир, где со всех сторон раздавались вопли и бредовые шёпоты.

Линь ничего не видел — или же видел лишь то, что не мог понять, и потому эти образы не оставляли никакого следа в его разуме. Тысячи и тысячи воплей слились в гигантский молот, обрушивавшийся на него, но били они не по барабанным перепонкам, а по сердцу и телу.

Прошло несколько секунд, и Линь понял, что никакого молота на самом деле нет: это он сам резонирует с этим голосом. Его кожа и мышцы, сосуды и нервы, зубы и волосы — всё вибрировало. Вибрация была настолько сильной, что все клетки уже не могли удерживать целостную форму, и потому ему чудилось, будто по нему снова и снова лупят бесчисленные молоты.

«Что... происходит... Где... я...»

В этом резонансе Линь словно вытряхнул из головы почти всё. Он отчаянно пытался сохранить ясность сознания, но не мог остановить ощущение, что что-то утрачивается.

Тёплое, горячее, текущее по его телу и душе — всё это в неистовой вибрации неудержимо покидало его.

Линь протянул руку — действительно ли это рука? — пытаюсь удержать, вернуть, но это было всё равно что зачерпывать воду ладонями: тщетно.

«Подождите... Почему... я вообще пытаюсь это вернуть?»

Этот вопрос оглушил Линя. Он заколебался, а через мгновение ощутил необъяснимое раздражение.

«Почему столько вопросов?!»

Да потому что ему всё ещё нужны ответы! Инквизитор Линь, возможно, уже слился с этим миром, но Линь — нет... Те вещи, что в какой-то момент неизменно сильно его ранят, доказывают: он вовсе не тот, за кого его принимают. Он не был ребёнком, которого бросили родители.

У него когда-то была семья, которая любила его так же сильно, как его любили Снежноцапка, Ректих, Парамба, Пятнуля и Хвостик; у него были учителя, о которых не знала Яркитоба, — такие же наставники, что учили его; у него были одноклассники, с которыми он учился вместе, о чём не ведала Ходогора.

Он просто потерялся, сбился с пути. Он каким-то образом оказался здесь — и ему требовалось вернуться домой!

В Лине вдруг появилась сила. Он снова протянул руку — наверное, это всё-таки рука — и попытался ухватить.

В этом мире, яростно вибрирующем от воплей и бредовых шёпотов, он выловил несколько звуков — самых близких к нему, почти утонувших в какофонии.

— «Хорошо сделано».

— «Купи стеклянную бусину».

— «Сейчас ещё нельзя».

— «Я, наоборот, не так уверен, как ты».

— «Может быть, однажды она сможет справиться и без меня? Сама победит свой страх?»

— «Иди учиться».

— «Иди работать».

— «Раз уж ты стала первым человеком, заговорившим со мной в моём сне...»

— «Да, думаю, я могу... Попробовать стоит».

«Да, верно. Это мой голос», — вспомнил Линь — и услышал ещё один.

— «Моё имя — Кристabelle Померан... Я сделаю для вас что угодно».

«Тогда... чей это голос?»

Линь не заметил, как открыл рот — должно быть, это был рот — и бессознательно повторил имя:

— Кристabelle Померан...

Бум!

В этом разрывающе шумном мире появился второй человек — помимо Линя.

Померанская пёсолюдка с короткими ушами оказался здесь; серебряная полоса света связала её с Линем.

Тем временем в реальности...

Кристabelle, всё ещё плавающая в растекающейся кровавой воде, ощутила, как внутри неё начинает расти едва заметная искра магической силы.

В мире воплей и шёпотов Линь вспомнил, кто такая Кристabelle Померан, и понял: резонанс между ним и этим шумом передаётся ей по серебряной полосе света.

Эта вибрация... стирала человечность... меняла личность... А затем заполняла пустоты теми воплями и бредовыми голосами, смысл которых он ещё не понимал...

«Так вот оно что. Это и есть осквернение. Это и есть магия. Она всегда была здесь», — Линь, как семя, глубоко скрытое в почве, всё это время находился внутри неё — просто раньше он прятался в оболочке семени и не осознавал этого.

Пока семя не пустило корни. Пока связь между ним и Кристabelle, благодаря его ожиданию и

её отклику, не стала глубже. Магия, которую он впитывал из почвы, начала течь через него к Кристабель — и этот процесс был полностью вне его контроля.

«...Постойте. Осквернение?..»

— !!!

Холодный, леденящий ужас от этого слова заставил «я» Линя ещё сильнее застыть. Он резко распахнул глаза — да, теперь у него были глаза — и протянул руку, чтобы схватить серебряную полосу света.

«Назад! Нет!»

Кристабель только что по-настоящему победила себя прежнюю, завершила рост. Перед ней лежал прямой путь — как он мог снова затащить её в ад?!

Линь ухватился за световую полосу, но поскольку он сам до сих пор вибрировал, это лишь сделало передаваемую по ней вибрацию ещё сильнее и сложнее.

«Если считать эту полосу упругой верёвкой...»

Линь стиснул зубы и изо всех сил потянул её к себе.

Полоса быстро выпрямилась в идеально прямую линию — глазу уже не было видно колебаний. Но Линь выдержал это лишь короткое мгновение и почувствовал, что вот-вот не сможет продолжать.

Это было похоже на попытку заткнуть собственным телом пролом в дамбе или бороться с морскими волнами во время шторма.

Бесчисленные силы заставляли Линя разжимать руки. К тому же, если он потратит все старания на удержание полосы, у него не останется возможностей спасти самого себя, всё ещё резонирующего.

Он снова почувствовал, как едва сохраняемое «я» начинает распадаться в вибрации. Руки Линя, натягивающие полосу света, задрожали.

«Сохранить осознание себя. Найти дорогу домой».

«Но нельзя осквернить Кристабель».

«Сохранить себя. Вернуться домой».

«Нельзя осквернить Кристабель».

«Домой».

— !..

Линь беззвучно вскрикнул от боли, но не разжал рук — наоборот, он ещё сильнее натянул полосу света.

Что будет, когда «я» окончательно распадётся?

Какой выбор тогда сделал Мелодия Раковины? Какой выбор сделали Шесть Столпов?

Даже если он сейчас удержится, когда «я» исчезнет, будет ли ему вообще важно, оскверниться Кристабель или нет?

Наверное, тогда он просто отпустит. Значит, продолжать сопротивление — бессмысленно.

«Но... но... Ах...»

Мысли метались, и сам Линь уже не понимал, зачем он это делает, почему мёртвой хваткой тянет полосу света к себе, не позволяя ей ослабнуть.

В божественном царстве Ока Зазеркалья Моисей увидел, как на теле Линя появилась ещё одна ужасающая трещина.

Густая сеть трещин, словно паутина, покрыла Линя с головы до ног. Даже зная, что прикоснуться к нему невозможно, Моисей больше не осмеливался подходить — Линь выглядел так, будто от лёгкого дуновения рассыплется в пыль.

— Хвостик... Пятнуля... Парамба... Ректих...

В боли распада Линь бессознательно произносил имена тех, кто будет помнить его:

— Снежноцапка...

Моисей вдруг увидел, как засияло одно зеркало. В нём появилась Снежноцапка, находящаяся в пещере.

Затем он услышал, как голос Линя разнёсся по божественному царству, зовя его:

— Моисей...

— Линь! — громко откликнулся Моисей.

Но его голос не достиг ушей Линя.

Не услышав ответа, Линь почти шёпотом выдохнул:

— Верховный инквизитор...

Шпинеவில், второй уровень.

Центральное отделение Инквизиции города, первый сектор.

Сидящий за рабочим столом Фельдграу Дуофюр внезапно поднял голову. Возможно, потому что сегодня он видел Линя лишь мельком на совещании, его тоска породила иллюзию: ему почудилось, будто он только что услышал голос Линя, зовущий его.

Хотя он знал, что Линя здесь нет, он всё равно машинально откликнулся, спросив:

— Линь?

<http://bllate.org/book/12612/1244303>